

Он невольно коснулся шеи — было непривычно, словно кто-то внезапно выставил напоказ тайну, которую он так долго скрывал.

— Ты же не немой, — фыркнула Ху Бинцин. — Чего тогда глаза пучишь и за горло хватаешься, раз дар речи вернулся?

Если бы не её замечание, Янь Цзызюнь, пожалуй, и сам не осознал бы этого в полной мере. Он чувствовал, как с каждым днём всё лучше понимает это тело, как контроль над ним крепнет. Теперь, если не случалось ничего пугающего или из ряда вон выходящего, он мог справиться с косноязычием, просто не торопясь.

Он убрал руку и кивнул:

— Да, мне... мне и впрямь стало гораздо лучше. Если говорить медленно, то всё... всё получается внятно.

Ху Бинцин рассмеялась:

— Вот и славно. Болезнь должна отступить. А то назначат тебя когда-нибудь на должность, а ты будешь стоять перед подчинёнными и заикаться — засмеют ведь! Видел ты когда-нибудь важного чиновника, который бы мямлил, как дитя?

Янь Цзызюнь лишь с улыбкой кивнул, решив промолчать.

Ху Бинцин залюбовалась его тонкими, интеллигентными чертами лица. Когда его поддразнивали, он не злился, а лишь смущённо опускал глаза — у любой женщины сердце бы ёкнуло.

«Ну и что с того? — мысленно огрызнулась она на самую себя. — Какая женщина останется равнодушной, глядя на красавца? Разве зазорно немного помечтать?»

Успокаивая себя этими доводами, она невольно скользнула взглядом ниже. Ворот его рваной рубахи разошёлся, открывая изящную белую шею. Сквозь светлую, чистую кожу просвечивали синеватые жилки. От худобы Цзюнь-гэера его вид казался ещё более хрупким и жалким, а на бледной груди алела тонкая царапина. Юноша даже не догадался запахнуться — от холода его кожа покрылась мурашками, а сам он покраснел...

Ху Бинцин почувствовала, как в горле пересохло, а к лицу прихлынул жар. Она внезапно вздрогнула и пришла в себя.

— Твоё... твоё рубище, — она заговорила, сама внезапно начав заикаться. С трудом совладав с языком, тётушка продолжила: — Я говорю, посмотри на свои лохмотья! Они же на куски разваливаются, скоро вата клочьями полетит.

Янь Цзызюнь попытался запахнуть полы, но понял, что одежда и впрямь пришла в негодность. Тут никакой иголкой не поможешь — разве что латать куском другой ткани.

— Эх ты, горе луковое. В нашем поместье даже последний слуга выглядит опрятнее. Выйдешь так за ворота — только позор на весь дом накличешь.

Сказав это, Ху Бинцин вытащила из угла какой-то свёрток. Она проворно развязала его и, словно хвастаясь сокровищем, встряхнула перед юношей новую ватную робу.

— Вот, это тебе сестрица Лиинь ещё к Новому году припасла. Ты ведь частенько к нам в Тунъюнь-лоу заглядываешь, она знает, что ты о нас помнишь... Неважно, искренне это или нет, главное — она видит, что ты человек исполнительный...

Пока она сбивчиво объяснялась, Лиинь, которая к тому времени уже проснулась, подала голос:

— Да не я это шила! Тётушка сама корпела, все пальцы иголкой истыкала.

— Спишь — так спи, а проснулась — не болтай лишнего! — прикрикнула на неё Ху Бинцин, окончательно смутившись.

Янь Цзызюнь же, напротив, вёл себя совершенно естественно. Он принял подарок, отвернулся и, скинув старое тряпье, быстро переоделся.

Одеяние было сшито из простой ткани, вполне под стать его положению, но сидело идеально. Густой изумрудный цвет выгодно оттенял его бледность, подчёркивая яркость губ и блеск чёрных, как смоль, волос. В свои двадцать лет, прилично одетый, он выглядел на редкость привлекательно.

— Какой красивый цвет! В каждом стежке чувствуется ваша доброта, сестрица. Столько труда вложено... Мне очень нравится.

Янь Цзызюнь поблагодарил обеих женщин глубоким поклоном. Когда он выпрямился, его взгляд, ясный, как у оленёнка, лучился радостью. Даже Лиинь не удержалась от похвалы, заметив, как он похорошел.

Ху Бинцин проворчала, что та слишком шумит, и, заметив, что ночь на исходе, поспешила увести девушку.

После той новогодней ночи Янь Цзызюнь продолжал служить под началом Лао Юаня, стараясь вести себя как можно тише. Прошёл месяц. Поместье жило своей привычной жизнью, и юноша

наконец облегчённо вздохнул, решив, что Чу Цзюинь давным-давно о нём позабыл.

Но однажды Лао Юань вернулся из леса темнее тучи. Он зашёл в хижину погреться и выпить подогретого вина. Янь Цзызюнь, который в тот день закончил работу в саду пораньше, сидел у огня и решил завести разговор.

— Дядюшка Юань, что стряслось? — спросил он, видя, как старик понуро опустил голову.

Лао Юань с самого утра ходил сам не свой. Зная, что Цзюнь-гэер парень смышлёный и рукастый, он решил выговориться — авось вдвоём что-нибудь и придумают. Проблема была не то чтобы великой, но крайне досадной.

Перед Новым годом в Сяньюань заезжал погостить Чжу Тяньган. Этот человек мнил себя великим мудрецом и отшельником, всё время проводил в молитвах, алхимии да поисках бессмертия. Без нужды он порога дома не переступал, но в этот раз задержался в поместье больше чем на две недели. И остался бы ещё, если бы не срочные дела на южных морях — ему понадобилась какая-то редкая лечебная трава.

Приехал он не только повидать старого друга, но и забрать одну вещь, о которой Янь Цзызюнь уже слышал краем уха: талую воду с цветов Митуо.

Казалось бы, мелочь — при такой-то дружбе с Чу Цзюинем бери сколько хочешь. Да только вот беда: цветы Митуо ещё с позапрошлого года начали чахнуть. В прошлом году многие кусты и вовсе засохли, хотя бутоны всё же распускались и нектар собрать удалось.

А в этом году всё стало совсем плохо.

Весна выдалась ранняя и тёплая, на солнечных участках уже появились первые завязи, но по непонятной причине они начали осыпаться одна за другой. Лао Юань поначалу надеялся, что виной всему ночные заморозки, но когда и вторая волна бутонов усыпала землю, стало ясно: дело в другом.

Кусты поникли, стебли истончились. Если так пойдёт и дальше, к лету на заднем склоне горы не останется ни одного живого цветка!

Для Лао Юаня это была катастрофа.

«Цветы эти — самое ценное, что есть на горе, — сокрушался он про себя. — За всем остальным можно не уследить, но за ними нужен глаз да глаз!»

Говорили, что самое старое, материнское растение Господин лично перенёс со священной горы, где обитает Доуму Юаньцзюнь. Это был небесный росток, способный даровать силы для культивации. Нектар этих цветов добавляли в изысканные похлёбки, которые Господин Чу

обожал — пока он находился в Сяньюане, ему подавали их ежедневно.

Старик мог небрежно относиться к другим поручениям, и Господин прощал его, пока с цветами всё было в порядке. Но если сад Митуо погибнет... последствия могли быть непредсказуемыми.

Видя, что старик места себе не находит, Янь Цзызюнь понял: дело серьёзное. Простые слова утешения тут не помогут.

— Дядюшка, от того, что вы места себе не находите, пользы никакой, — осторожно начал юноша. — Позвольте спросить: ну, предположим, цветы погибнут... И что тогда?

Лао Юань резко остановился и буквально подлетел к нему, зажимая рот ладонью.

— Ох, малец, помалкивай! Не накликай беду!

Юноша не сопротивлялся, лишь спокойно смотрел на него своими ясными глазами. Старик тяжело вздохнул, бессильно опустив руку. Он присел на лавку и плеснул остатки вина в огонь.

— Что будет? Накажут, вестимо.

— И как же? — допытывался Цзюнь-гэер.

В его памяти Чу Цзюинь запечатлелся как человек скорый на расправу, деспотичный и пугающий. Сколько бы другие ни твердили о его «великодушии», Янь Цзызюнь в это не верил. Он уже начал рисовать в воображении жуткие картины: как Лао Юаня забивают до смерти или заживо сдирают с него кожу — фантазия разыгралась не на шутку.

— Ну, лишат жалованья за год, да и вышвырнут за ворота, — проворчал старик.

Янь Цзызюнь едва не поперхнулся чаем.

— И это всё?! — откашлявшись, выдавил он.

— А чего ещё ты ждал? — Лао Юань лениво поворошил угли. — Господин наш милосерден и добр к слугам. Почти все, кто здесь работает, обязаны ему жизнью. Я не за шкуру свою боюсь, а за то, что такую малость уберечь не смог. Стыдно мне, Цзюнь-гэер, в глаза ему смотреть будет.

Янь Цзызюнь мысленно закатил глаза.

«Что же я за грешник такой в прошлой жизни был? Чем же я так насолил этому "святому человеку", что он спит и видит, как бы меня придушить?! Может, память этого тела меня подводит, и я что-то упускаю?»

Расспрашивать Лао Юаня о причинах такой немилости было бесполезно. Идти к самому Чу Цзюиню за разъяснениями...

«Нет уж, избавьте».

Янь Цзызюнь потёр ладони и поднялся.

— Ну, разговорами делу не поможешь. Давайте-ка я с вами схожу, посмотрю на эти цветы.

Старик лишь махнул рукой:

— Иди, коли охота, только проку-то? Самые опытные садовники локти кусают, ничего поделать не могут. Чем ты поможешь?

— Да просто гляну, — Янь Цзызюнь лучезарно улыбнулся. — Заодно и вы прогуляетесь, развеетесь немного.

— Ну ладно, пошли.

Лао Юань затушил огонь, стряхнул пыль с одежды и повёл юношу к садам.

Когда они добрались до места, ситуация оказалась даже хуже, чем представлял себе Янь Цзызюнь. Старик не преувеличивал: если не принять меры немедленно, от цветов не останется и следа.

Янь Цзызюнь подошёл к одному из чахлах кустов, присел и долго, внимательно изучал его.

— Дядюшка Юань, а можно мне пересадить пару кустиков к себе во двор?

Старик удивлённо поднял брови:

— Что? Неужто знаешь, как их лечить?

Юноша покачал головой:

— Нет, не знаю. Но сейчас самое время для пересадки. Если действовать осторожно и не

повредить корни, может, на новом месте они... приживутся.

— Эх, сомневаюсь я. Но раз просишь — пробуй, хуже уже не будет.

Получив разрешение, Янь Цзызюнь разыскал лопату, засучил рукава и принялся за дело. Копая землю, он мимоходом спросил:

— Дядюшка, а вы и вправду так боитесь, что вас выгонят?

Старик, греясь на солнышке, ответил:

— Конечно. Где я ещё найду такое место? Да и жизнь за стенами поместья не сахар. Если бы не Господин, который спас всю мою семью, кости наши давно бы уже в придорожной канаве гнили. Мир снаружи суров, не чета нашей обители.

Янь Цзызюнь вытер пот со лба, но промолчал. Он не разделял этого благоговения.

«Раз уж судьба даровала мне вторую жизнь, значит, у небес на меня свои планы. Если когда-нибудь мне удастся выбраться отсюда, я обязательно посмотрю на этот мир. И для себя, и для этого бедного мальчишки я выгрызу право на лучшее будущее».

<http://bllate.org/book/17484/1693445>